

К культурно-конструкционистской психологии

Кеннет Дж. Джерджен
Мэри М. Джерджен

Gergen, K. J., & Gergen, M. M. Toward a cultural constructionist psychology.

Перевод Андрея Корбута

Увлечение культурой в психологии вряд ли может считаться новым. Им были окрашены уже самые первые размышления о характере психологической науки. Публикация «*Völkerpsychologie*» Вильгельма Вундта (Wundt, 1911) обнаружила существовавший в то время интерес к чужому — к психологии тех, кто «не похож на нас». Но по мере углубления романтических отношений между психологией и естественными науками (*Naturwissenschaft*) в первые десятилетия XX в. и разочарования в возможности построения психологии как исследования человеческого смысла (*Geisteswissenschaft*), интерес к культурному контексту и разнообразию стал падать. Что особенно важно, с установлением гегемонии логико-эмпиристской метатеории и бихевиористского подхода психологию начала все больше вдохновлять возможность нахождения общих законов или принципов — транскультурных и трансисторических. Этот оптимизм выразил психолог Джон У. Уильямс (Williams, 1993): «Я убежден, что [если бы] современная психология появилась, скажем, в Индии, то и там психологи обнаружили бы большинство из тех принципов, которые были открыты на Западе» (с. 102). Культурные условия в эти годы практически полностью игнорировались.

Тем не менее универсалистская ориентация эмпиристской психологии породила особую разновидность обращающихся к культуре исследований: так называемую *кросскультурную психологию*. Интерес к культуре в этом случае подчинялся прежде всего доминирующей цели обнаружения общих принципов поведения. Значительная доля этих исследований состояла в попытке 1) продемонстрировать кросскультурную универсальность различных психологических процессов или 2) продемонстрировать культурную вариативность некоторых базовых или универсальных психологических процессов. Первый пункт иллюстрируют знаменитые исследования Экмана и его коллег (Ekman, 1973; Ekman & Friesen, 1986) по универсалиям эмоциональных выражений. Пример второго — работы Берри (Berry, Poortinga, Pandey, Dasen, Saraswathi, Segall, & Kagitcibasi, 1997), Китаёмы и Маркуса (Kitayama & Markus, 1997), Триандиса (Triandis, 1994; Triandis, McCusker, Betancourt, Iwao, Leung, Salazar, Setiadi, Sinha, Touzard, & Zalenski, 1993) и многих других, в которых вычисляются вариации универсальных измерений (например, индивидуальности/коллективности) в различных культурных группах. Кросскультурное предприятие живо и сегодня в качестве «универсалистской психологии... применимой и значимой как в Омахе и Осаке, так и в Риме и Ботсване» (Lonner, 1989, с. 22).

Но в последние годы, возможно, благодаря распространению глобального мировоззрения и мультикультурного мышления, о себе заявило более яркое направление в изучении сферы культуры — движение *культурной психологии*. Оно еще не приобрело парадигмальной связности, однако его принципиальная драма связана с приданием культурному влиянию более высокого статуса по сравнению с психологическими процессами. Если кросскультурная психология в целом предполагала наличие универсальных психологических процессов, рассматривая культуру лишь как место производства их вариаций, то в культурной психологии культура выступает местом рождения психологических процессов. Универсальное в

психологии заменяется локальным. Так, например, Брунер (Bruner, 1990) считает, что «научная психология... займет более эффективную позицию по отношению к культуре в целом тогда, когда поймет, что наивная психология простых людей — это не набор самоуспокоительных иллюзий, а культурные верования и рабочие гипотезы относительно того, что делает возможным и осуществимым совместное проживание людей... Именно отсюда начинается психология, и по этой причине она неотделима от антропологии» (с. 32).

К данной позиции Брунера присоединяются многие культурные антропологи, которые, подобно Ричарду Шведеру (Shweder, 1990), полагают, что сознание «невозможно отделить от исторически изменчивых и культурно разнообразных интенциональных миров, соконститутивной частью которых оно является» (с. 13). В рамках этого течения многие культурные психологи в качестве своей отправной точки избирают работы Льва Выготского (Выготский, 1983). Выготский считает, что каждый процесс в развитии высших психических функций появляется в двух планах: «сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» (с. 145). К сегодняшнему дню попытки культурной контекстуализации психологических процессов продвинулись уже достаточно далеко (см., например, Cole, 1996; Lave & Wenger, 1991; Saxe, 1991).

Конструкционистский поворот

Хотя переход от кросскультурной к культурно укорененной психологии интеллектуально стимулирует и представляет собой значительный шаг к деколонизированной психологической науке, определенные проблемы все-таки остаются. Во-первых, составляя важную альтернативу универсальной психологии, движение культурной психологии не поставило под вопрос универсальную метатеорию, и в частности, базовые элементы эмпирической традиции исследования. Наследие западного эмпиризма по большей части остается в силе. Культурный психолог склонен предполагать существование ряда независимых частиц (например, культуры, сознания, социализации), адекватность эмпирической или интерпретативной методологии для оценивания и рефлексии характера этих частиц, а также возможность кумулятивного (или фальсифицируемого) знания об изучаемых процессах социализации. Хотя существование универсальных психологических механизмов или процессов отрицается, универсальная метатеория не отбрасывается, т. е. культурная психология продолжает оставаться детищем западного модернизма.

Помимо этого, методы, применяемые в культурной психологии, выводятся из эмпирической метатеории. Они незаметно встраиваются между исследователем и изучаемой культурой, ограничивая, переводя и трансформируя культурные реальности посредством собственных терминов (например, категорий, переменных, стандартизированных языков, цифр и т. д.). Проекты культурных исследований вроде бы дают респондентам слово, но потом заменяют его на детерминированные методом реальности. При этом профессиональный исследователь (часто выходец из иной культуры) претендует на авторитетное знание изучаемой культуры, превосходящее знание местного населения. Как показал Роглер (Rogler, 1999), эти общие методологические места часто стирают разделяемые в домашней культуре значения. Наконец, последней проблемой современной культурной психологии является то, что она практически не рассматривает вопросы, имеющие сегодня моральное, политическое или идеологическое значение. Очень мало внимания уделяется тому, как ее понятия, методы и способы репрезентации входят в культуру, хотя в качестве символических ресурсов они определяют форму будущего культурной жизни — во благо и/или во вред. Такое сопротивление рефлексивности во многом обязано эмпирической метатеории, отстаивающей презумпцию ценностно свободного

исследования, результатом чего оказывается полная изоляция от социально важных тем.

Указанные проблемы очерчивают пространство возникновения того, что можно назвать *культурно-конструкционистской психологией*. Контуры этой ориентации определяются целой серией каталитических диалогов, развернувшихся в течение последних 20 лет в социальных и гуманитарных науках. Чтобы понять значение культурного конструкционизма, необходимо оценить эти диалоги. В первую очередь важно осознать, что социально-конструкционистские обсуждения преследуют главным образом метатеоретические цели. Они ориентированы на исследование возможности концептуализации знания как продукта сообществ (а не индивидуальных сознаний). Поэтому современные попытки изучения социального конструирования комбинируют идеи из различных сфер интеллектуальной и культурной жизни. Первые из таких «комбинаций» сочетали работы по социальным исследованиям науки, теории литературы и риторики, постмодернистской теории и различным формам идеологической критики. Всевозможные соединения и сопоставления этих движений привели к важным находкам, например, в дискурсном анализе, исследованиях массовой коммуникации, феминистских исследованиях, культурном анализе и др. К этим интеллектуальным наработкам присоединяются различные движения в терапевтической практике, организационном развитии, образовании, общественной политике и т. д. Многие из них рассматриваются в книге Джерджена «Реальности и отношения» (Gergen, 1994).

Нет ни «теории социального конструирования», ни набора предписанных «конструкционистских практик». Однако несмотря на то, что дискуссии не прекращаются, мы можем вычлени́ть ряд предположений, которые были исключительно генеративными по своим эффектам и в целом принимаются всеми, кто называет себя конструкционистами. Эти генеративные предположения заключаются в следующем.

Нет никаких трансцендентально привилегированных описаний того, что мы считаем существующим. Нет никакой специфической конфигурации слов или выражений, которые единственно подходят к тому, что мы называем миром, располагающимся «там» либо «здесь». Мы можем стремиться к согласию относительно того, что «нечто существует», но каково бы ни было это «нечто», оно не предъявляет требований к конфигурации фонем или фраз, используемых людьми в коммуникации по его поводу. Поэтому мы отказываем в привилегии любому человеку или группе, претендующим на высшее знание того, что существует. Никакая наука, религия, философия, политическая партия или иная группа не может претендовать на конечное превосходство в отношении истины (соответствия слова и мира) или разума (порядка самих слов). Если говорить позитивнее, мир не отвечает за то, во что мы его превращаем; любое проблематичное понимание могло не оказаться таковым. В рамках культурно-ориентированного исследования необходимо сознавать, что, называя группу людей, например, «племенем», или «кланом», или «расширенной семьей», мы не даем имя истине того, как эти люди живут друг с другом, а конструируем реальность определенного исследовательского сообщества.

Любое описание мира или себя имеет своим истоком отношения. Язык обретает способность означать в отношениях, в зависимости от того, как он употребляется людьми для координации друг с другом и с окружающим миром. Когда мы играем с ребенком и заявляем, что то, что все взрослые называют «чашкой», на самом деле «шляпа», этот объект становится шляпой, и мы весело водружаем его себе на голову. Сообщество физиков может называть этот объект «конфигурацией атомов», рекламисты — описывать его как «легкий и прочный», а историки искусства — как «модернистский». Каждый из этих дискурсов функционирует в сообществе пользующихся языком индивидов и каждый из них по-своему конструирует то, что мы считаем единым объектом. В этом смысле наши миры создаются в отношениях, конституирующих все, что является для нас прекрасным, ценным и достойным

почитания. И именно посредством отношений мы можем в любое время начать процесс реконструирования мира.

Язык функционирует в первую очередь как форма социального действия, составляющего часть одной или нескольких традиций. Поскольку «то, что существует», не предъявляет никаких требований к нашему языку, слова получают свое значение при использовании в человеческих отношениях. В этом смысле высказывания подобны улыбкам, рукопожатиям и объятиям; они представляют собой формы действия, обретающие значение в процессе человеческой координации. При этом координацию следует понимать в самом широком контексте. Например, то, что мы обычно называем «материальным миром», тоже входит в паттерны человеческой координации. Теннис нуждается в таких словах, как «ноль» и «равно», в той же степени, в какой для него нужны ракетки, мячи и сетка. Деловая организация может опираться на такие слова, как «менеджеры», «продажи» и «изучение и развитие», скоординированные с различными видами активности и движением материалов. Разделять язык — значит разделять способ жизни или традицию.

Дискурсивно конституированные традиции являются одновременно и существенными, и опасными. Когда мы включаемся в координацию, мир становится для нас «осмысленным». Мы обретаем идентичность в качестве отдельных личностей в совокупности с интересами, целями, идеалами и увлечениями. Ландшафт ценностей формируется в процессе отношений. Однако, производя и разделяя некоторый способ жизни, мы ограничиваем выбор и отдаляемся от других людей. Мы не в состоянии понять или оценить то, что вне традиции смысла, частью которой мы являемся. Гибкость уменьшается, а те, кто не принадлежит традиции, зачастую подвергаются девальвации. Они — «другие»; они иным образом осмысливают происходящее и, возможно, опасны для наших традиций и ценностей.

Коммуникативные отношения позволяют производить новые порядки значения, в которых могут возникать новые формы деятельности. Поскольку значение — человеческая конструкция, случайным образом располагающаяся внутри текущих паттернов скоординированной деятельности, оно всегда открыто для трансформации, которая может начаться с игры, поэзии, экспериментирования или любой иной формы действия, выходящей за границы повторяющихся паттернов повседневной жизни. Трансформация может также начаться с новых коммуникативных соглашений, новых способов диалога, которые побуждают к изучению забытого, вытесненного и т. д. Мы открываем множество путей производства новых порядков значения и в результате трансформации своих сконструированных миров обнаруживаем новые пространства действия.

Хотя можно было бы и дальше усиливать и квалифицировать эти предположения, в завершение важно указать на то, что большинство конструкционистов понимают их безосновательность. То есть очень немногие считают эти предположения трансцендентально истинными, рационально оправданными, морально весомыми или как-либо иначе превосходящими любые другие описания слова или мира. Конструкционизм, на наш взгляд, не пытается поставить последнюю точку, заняв позицию, после которой диалог станет невозможен. Наоборот, для нас конструкционизм является приглашением к новым возможностям, исследованию, творчеству и, возможно, к некоторым материальным условиям, способствующим большей терпимости, а также координации людей в отношении того, что может видеться им более гуманным и жизнеутверждающим миром.

Измерения культурно-конструкционистской психологии

Представив рудиментарные основания конструкционистской метатеории, мы готовы перейти к рассмотрению их места в культурно-конструкционистской психологии. К чему предрасполагает конструкционистская ориентация в культурно-сензитивном психологическом исследовании, а какие направления оказываются

проблематичными? В первую очередь важно понять, что в принципе социальный конструкционизм ничего не отвергает. Конструкционизм не требует отказа, например, от существующей традиции кросскультурной психологии. Кроме того, можно привести множество доводов в пользу возрождения того типа исторического описания культурного развития, который представлен в ранней сравнительной работе Вундта. Подобная либеральная установка является следствием конструкционистского антифундаментализма. Не существует фундаментальных причин или очевидных оснований для исключения какой бы то ни было формы смысла из сферы социально-научных исследований. Возможны самые разные теории, методы и практики, каждая из которых отражает некоторую традицию или форму жизни. Поэтому отказ от какого-либо способа исследования равносителен уничтожению культурной традиции. Иначе говоря, культурный конструкционизм не пытается подрвать те или иные культурные смыслы или формы жизни во имя трансцендентальной рациональности или универсальной истины. Но не менее важно осознать и то, что такой либерализм не провозглашает, что «все равнозначно», т. е., что каждый исследовательский проект столь же хорош, как и любой другой. Хотя конструкционизм предлагает контекст для оценки вклада конкретной исследовательской традиции, это не поощряет ценностной нейтральности. Мы вскоре вернемся к этому пункту.

Что же специфическое может внести конструкционистская ориентация в культурно сензитивные поиски; что она добавляет к существующим исследовательским и научным ресурсам? По нашему мнению, особенное внимание следует уделить трем направлениям разработок.

Рефлексивное обсуждение: факт и ценность под вопросом

Вначале стоит отметить, что конструкционистские диалоги поощряют активную рефлексивную позицию. Во-первых, они направляют внимание на те способы, которыми научное исследование конструирует свой предмет. Принимаясь за изучение познания, идентичности, мотивации и т. д., исследователь создает ряд само собой разумеющихся реальностей. Эти реальности диктуются не конфигурацией мира, а (как правило) диалогическими традициями внутри профессии и культуры. Во-вторых, конструкционистские постановки делают нас чувствительными к тому, как соответствующие смыслы проникают в культурную жизнь и используются людьми для поддержания, вопрошания или избегания некоторых ее паттернов. Поэтому пристальное внимание уделяется формам реальности, вырабатываемым в рамках экспертного пространства профессиональной психологии. Что получает привилегированное положение и что подавляется или уничтожается в результате использования определенных способов дискурсивного оформления мира; кто выигрывает и кто проигрывает; какие политика или институты санкционируются, а какие подрываются? Все это оказывается в фокусе внимания культурно-конструкционистской психологии.

Критическое рефлексивное исследование, стимулированное отчасти возросшей чувствительностью к коммунальному конструированию знания, в последнее время получило широкое распространение в социальных и гуманитарных науках. Одними из наиболее красноречивых критиков стали антропологи, выявляющие то, как западная антропология конструировала изучаемые ею культуры, зачастую разрушая, отчуждая, дистанцируя, патронизируя, заглушая или колонизируя их (см., например, Clough, 1992; Fabian, 1983, 1991; Marcus & Fischer, 1986). Западные психологи, хотя и позже, тоже начали интересоваться тем, как позиционируются испытуемые в их исследованиях и какое влияние оказывают характеристики последних на детское воспитание, образовательные практики, политику психического здоровья, юриспруденцию и общественную политику (см., например, Iba_ез & I_iguez, 1997; Parker & Shotter, 1990; Prilleltensky, 1997; Sampson, 1993). Постепенно критическое внимание обращается на действие западных исследований в незападных или

неанглоязычных культурах (Gergen, Gulerce, Lock, & Misra, 1996; Lykes, 1996; Fine & Weis, 1996), что сопровождается усилением критики со стороны незападных культур последствий импорта западных теорий и понятий в их культурные обстоятельства (Mohanty, Russo, & Torres, 1991; Prakash, 1995; Said, 1979, Spivak, 1985). Но самые глубокие выводы следуют из тех исследований в психологии и смежных науках, которые начали ставить под вопрос само понятие культуры (Featherstone, 1995; Hermans & Kempen, 1998; Kahn, 1995).

Введение такого критического анализа в научное исследование открывает широкие возможности, но есть одна важная перспектива, которая до сих пор практически не раскрыта. Пока еще очень мало того, что можно назвать *оценочной рефлексией*. Наиболее рефлексивные из сегодняшних исследователей заняли критическую позицию, обратившись к изучению угнетения, утраты и страдания, которые могут быть результатом определенных конструкций психологического мира. Конечно, это самое удобное место для запуска рефлексивного процесса. Однако в неумолимой критике есть свои опасности. Дело не только в том, что критика, как правило, действует разъединяюще, создавая и провоцируя оппозицию, но и в том, что если она служит нам единственным орудием рефлексии, это приводит к войне всех против всех. Или, если использовать современные американские термины, мы разжигаем «культурные войны». Поэтому критическое исследование должно обязательно сопровождаться оценочной рефлексией. Надо поддержать интерес ученых к позитивной роли различных форм психологического понимания, методологий и практик.

Мультикультурная методология

Хотя конструкционистские предположения не склоняют к отказу от исследовательских методов западного эмпиризма, предложенный выше анализ рефлексивного обсуждения следует, очевидно, распространить и на область методологии. Вопросы, связанные со способами, которыми методы ограничивают возможные конструкции предмета исследования, с отношениями власти, реализующимися при позиционировании испытуемого, и с распределением выгод от результатов исследования, должны стать объектом особого внимания. Важное значение для культурного конструкциониста имеет то, что традиционные исследовательские методы поддерживают идеологию индивидуализма и претендуют на универсальную валидность и истинность. Они делают ученого авторитетом в определении предмета изучения, выдвигании гипотез, использовании процедур сбора данных, анализе и интерпретации результатов исследования и их распределении. Отобранные респонденты (традиционно именуемые *испытуемыми*) тщательно исследуются в поисках релевантной информации, но редко получают возможность формулировать исследовательские вопросы, отстаивать значение своего поведения или речи или контролировать то, как их действия репрезентируются и распределяются. В действительности господствующие западные методологии остаются изолированными от тех культур, которые они исследуют. Культурный конструкционизм выступает за открытость, взаимообмену и более равноправное участие в получении исследовательских данных.

Под воздействием конструкционистских идей и более широкого круга постмодернистских размышлений произошел взрыв методологических инноваций (см., например, Denzin & Lincoln, 1994). Многие из них коснулись области качественных методов. Исходя из наших целей мы можем отобрать среди этих движений ряд новых методологических ресурсов, которые ставят разных людей в ситуацию взаимного понимания. Три отправные точки могут послужить иллюстрацией этих возможностей.

Нарративные методы. Одно из наиболее широко применяемых средств разделения авторитета состоит в том, чтобы дать возможность говорить самим

испытуемым, дать им возможность рассказать собственную историю. На сегодняшний день существует множество различных нарративных методов (см., например, Josselson & Lieblich, 1993; 1994; Lieblich & Josselson, 1995; Sarbin & Scheibe, 1983; Sarbin, 1986). Некоторые исследователи сосредоточатся на единичной автобиографии; другие будут смешивать голоса нескольких участников; третьи могут взять отдельные фрагменты дискурса и соткать пестрое теоретическое полотно. В своей работе, посвященной гендеру и популярной автобиографии, Мэри Джерджен (M. M. Gergen, 1992) не только привлекала огромное количество автобиографического материала, но и перемежала его голосами идейно близких ученых. Таким путем исследователи могут снижать свою власть над тем, что они изучают, создавая в то же время более сложные, мультитекстурные и сензитивные образы. В отличие от кросскультурного исследования, например, индивидуализма—коллективизма нарративные методы вместо статистического сравнения ключевых тенденций дают детальное описание той роли, которую играют различные отношения для носителей конкретной культуры, и того, как их можно по-разному понимать в разное время и в разных местах. Вероятно, подобные исследования также могли бы показать комплексные вариации внутри гомогенной на первый взгляд культуры.

Многоголосое исследование. Типичное эмпирическое психологическое исследование устремлено к единственной истине. Исследователь предполагает, что его вклад помогает точнее отделить ложное от истинного и в конечном счете содействует наибольшему приближению к существу. С конструкционистской же точки зрения любое исследование вытекает из конкретной культурной традиции, а единственность истины равноценна тоталитаризму. Поэтому для культурного конструкциониста методы являются областью порождения множественности, а не единичности. Одним из наиболее инновационных и далеко идущих примеров мультиголосой методологии является книга Патти Латер и Криса Смитиса «В конфликте с ангелами» (Lather & Smithies, 1997). В ней описывается, как авторы работали с группой поддержки женщин, больных СПИДом. Исследовательский отчет включает рассказы самих женщин о своей жизни, а также о том, чем они хотели бы поделиться с миром в их обстоятельствах. Не желая скрывать свою позицию, исследователи посвятили некоторые главы книги собственным переживаниям и мыслям в качестве членов группы. Чтобы компенсировать оторванность этих описаний от дискурсов медицины, экономики и медиа, авторы дополнили текст более формальными академическими и научными материалами. Наконец, вся книга, прежде чем она пошла в печать, была предоставлена ее героям для комментариев.

Нарративный и мультиголосый подходы можно интегрировать. Например, в своем исследовании насилия над детьми Карен Фокс (Fox, 1996) комбинировала свои собственные взгляды с историями детей, подвергшихся сексуальному насилию, а также с представлениями самих насильников. Последний голос в подавляющем большинстве описаний случаев сексуального насилия над детьми отсутствует. В ходе исследования использовались обширные открытые интервью и включенное наблюдение, в рамках которого Фокс посещала терапевтические сессии с осужденными сексуальными насильниками. Опубликованный текст разбит на три колонки, представляющие три голоса. Течение текста позволяет читателю увидеть три различные перспективы одновременно по отдельности и вместе. Все слова были взяты из реальных рассказов. Хотя отбор и упорядочивание проделала Фокс, каждый из участников имел возможность прочитать и откомментировать материалы. Получившаяся в итоге структура способствовала не только обмену воспоминаниями, интерпретациями и идеями, но и выражению неоднозначности, горя, гнева и привязанности.

Совместное исследование. Чувствительность к влиянию разнообразных культурных традиций предполагает открытость альтернативным интерпретациям изучаемых паттернов. Поэтому были придуманы новые методы, разоблачающие исследовательские иерархии и заменяющие традиционную автономию исследователя

(ведущую к культурной слепоте) совместными формами исследования. Возможно, наиболее заметной формой такого типа исследования является *исследование через включенное действие* (Brydon-Miller, 1997; Reason, 1994). С его помощью исследователи обычно отвечают на потребность сообщества и помогают ему использовать различные средства для достижения своих целей. Часто главным результатом становится политическое или социальное преобразование. Могут быть и другие варианты сотрудничества. Один такой культурно сензитивный проект был разработан Джимом Шеурихом и двумя студентами — Херардо Лопесом и Мигелем Лопесом. В центре их внимания была жизнь мексиканских эмигрантов в Америке. Вместе они создали коллаж артефактов, образов, музыки, звука и текста. Помимо этого, они написали сценарий, в который внесли свой вклад как сами исследователи, так и представители изучаемой аудитории. Тем самым они существенно расширили процесс сотрудничества с аудиторией. Они попытались позволить беспрепятственно течь потоку восприятий и разговоров, связанных с предложенными материалами. Стремление организовать их в последовательное, риторически убедительное и однородное «сообщение» отсутствовало. Шеурих отмечает, что «организаторы не выдвигали никаких предположений о природе этих переживаний или их отношении к эмигрантской жизни мексиканцев в Америке» (цит. по Gergen & Gergen, 2000, с. 1030). Фактически исследование давало аудитории возможность глубокого включения в предмет, но оставляло за ней право предлагать различные его интерпретации.

Теперь перейдем от обсуждения методологии к теории и исследованию, какими они видятся с культурно-конструкционистской точки зрения.

Теория и исследование как культурный капитал

Воспринимая теоретические и исследовательские выводы не как истинностные постулаты, а как дискурсивные вкрапления в культурной жизни, мы начинаем задавать новые вопросы в отношении возможностей исследования. Наш интерес смещается с проблемы валидности — соответствует или нет карта территории — к вызову понятности. Как, кем и для какой цели может использоваться история, которую я рассказываю с помощью определенной теории или исследования? В этом случае мы предполагаем, что культурное обогащение может служить объемлющим критерием исследования. Например, считается, что в культурной антропологии возможны истории только двух видов: этнографическое исследование может говорить нам либо о том, что мы отличаемся от других людей, либо о том, что, несмотря на видимые различия, мы все похожи. Обе эти истории одновременно обогащают и обедняют. История о различиях может выступать препятствием для опасных тенденций универсализации предположений родной культуры, но в то же время она функционирует как инструмент отчуждения (экзотизации другого). История о похожести работает с точностью наоборот: она ослабляет стремление к отчуждению («в конце концов, мы все одинаковы»), одновременно требуя снятия ограничений на универсальном уровне. Культурно-конструкционистская психология не отказалась бы ни от одной из этих историй, но сначала бы попыталась отыскать альтернативы, обладающие более обещающим потенциалом.

Диапазон возможностей в данном случае нельзя специфицировать заранее, но несмотря на это, рассмотрим три перспективы, которые особенно близки к конструкционистским размышлениям.

Взаимоналожение способов достижения понятности. Традиционное исследование как в кросскультурной, так и в культурной психологии направлено на присвоение «другого», понятное его представление в терминах родной культуры. Другой описывается и анализируется так, чтобы «мы поняли». Цели придания понятности может быть противопоставлена другая цель, согласно которой исследование должно менять или расширять свои способы достижения понятности за счет инкорпорации или поглощения чужих модальностей понимания. В таком случае

задача состоит не в помещении «другого» в удобный концептуальный ящик, а в трансформации той концептуальной структуры, при помощи которой осуществляется понимание. Примеры подобного «оплодотворения» часто встречаются в таких областях, как музыка, кулинария и религия. Культурный конструкционист должен производить подобные взаимоналожения в рамках анализа человеческой жизнедеятельности. Иллюстрацией такого типа исследования являются работы Ананда Паранджпа и его коллег (Paranjpe, 1998; Paranjpe, Ho, & Rieber, 1988), попытавшихся интегрировать азиатские и индийские теоретические идеи в западную психологию. При этом не только исследуются сходства и различия, но и демонстрируются пути расширения западной психологии за счет добавления незападных концептов.

Необходимо сказать еще кое-что о процессе взаимоналожения способов достижения понятности. Психологи тоже формируют свободно сотканную культуру, состоящую из разных онтологий, ценностей и определенных форм практики. Поэтому ударение, которое конструкционизм делает на процессе взаимоналожения способов достижения понятности, касается не только нас самих, но и наших текстов по поводу человеческого функционирования. В этом отношении вторая задача заявляет о себе на уровне профессиональной жизни: необходимо выйти за рамки нашей ограниченной области понятности. Постепенно завязывающийся диалог между культурной психологией и культурной антропологией является хорошим началом (см., например, Stigler, Shweder, & Herdt, 1990). Проведение культурно сензитивного исследования в психологии без привлечения, в частности, символической антропологии является, по сути, формой академического солипсизма. Но это лишь первые шаги. Конечные проблемы культуры неотделимы от вопросов институциональной власти, истории, экономики, политической идеологии, технологии, медиа, массовых передвижений и т. д. Изучение индивидуального функционирования может быть расширено в любом направлении, поскольку взаимоналожение может осуществляться в любой плоскости.

Реализация конструкционистских предпосылок в исследовании. Как было отмечено выше, культурный конструкционизм не предъявляет никаких жестких требований ни к теории, ни к исследованию. Его цель состоит не в том, чтобы вытеснить остальные культурные традиции, а в том, чтобы помочь им развиваться, объединяться и проникать друг в друга. Однако конструкционистский подход к знанию хрупок, и в качестве формы понимания подвергается потенциальной угрозе. Поэтому один из привлекательных способов построения исследования может состоять в том, чтобы использовать конструкционистские метатеоретические положения в качестве теоретического основания исследования. Подобно тому, как последователь Пиаже будет «определять стадии когнитивного развития» детей, а последователь Выготского — «демонстрировать процесс обучения в зоне ближайшего развития», культурный конструкционист может делать более осязаемой «реальность социального конструирования», изучая культурную жизнь. Превосходный образец реализации подобной установки — книга Кэтрин Луц «Неестественные эмоции» (Lutz, 1988). В ней Луц демонстрирует культурно сконструированный характер эмоционального словаря племени ифалуков, подрывая этим универалистские претензии западного исследователя. Но важнее то, что Луц показывает, как культурно конституированные акты проявления эмоций связаны с более широкими социальными соглашениями и институтами внутри ифалукской культуры. Фактически эта работа идет намного дальше универалистской критики, детально «показывая», как локально создаются само собой разумеющиеся категории и практики эмоций.

Концептуальное конструирование: относительное Я. Традиционные подходы к культуре и психологии — руководствующиеся эмпиристскими предположениями — обычно ставили своей целью прояснение мира, каков он есть. Правильная теория и исследование должны раскрывать природу отношений между культурой и психическими процессами. С конструкционистской точки зрения подобные «прояснения» будут неизбежно отображать некоторую точку зрения, традицию

интерпретации и действия; кроме того, они сами входят в культурную жизнь. В таком случае важным шагом для культурного конструкциониста является производство новых способов придания понятности, которые могут обогатить потенциал культурной жизни. Например, в этом контексте расширение теорий познания и помещение их образцов в разные культурные условия принесет мало пользы. Дело не в том, что когнитивный подход ложен, скорее, проблема в том, что эти теории доминировали в западной психологии в течение почти 30 лет. Вне зависимости от того, хорошо это или плохо, их ценность в качестве культурных ресурсов уже в значительной степени исчерпана. Культурный конструкционист знает, что больше пользы принесет выработка новых концептуальных ресурсов, т. е. представлений о человеческом поведении, которые могут предложить новые альтернативы культурной деятельности.

Хотя обозначенные возможности в принципе неисчерпаемы, хорошей их иллюстрацией могут служить идущие в западной культуре дискуссии по поводу отказа от индивидуализированных теорий психических процессов. Заимствуя многое из просвещенческого способа мышления, современная психология на Западе сосредоточена практически исключительно на интрапсихических процессах, т. е. поддерживает как концепцию, так и идеологию того, что Сэмпсон (Sampson, 1993) называет *самодостаточным индивидом*. На фоне проблематичности следствий данного взгляда для мультикультурных отношений все сильнее дает о себе знать стремление найти им альтернативу, в частности, такую, которая будет делать акцент на отношениях, а не на индивидуальном сознании. Работы Выготского представляют собой прекрасную исходную точку для концепций относительного бытия. Однако сегодня теория и исследование следуют более радикальными путями, помещая такие процессы, как мышление, память и эмоции, внутрь процессов социального взаимодействия (см. обзор Gergen, 1998).

Заключение

Описанные выше культурно-конструкционистские практики не претендуют на замещение кросскультурной или культурной психологии. Скорее, их функция состоит в расширении и обогащении поля исследования и деятельности. В то же время представленное описание не является авторитетным суждением о возможностях. Наоборот, мы попытались заложить основания для последующего диалога. Обратив этот диалог вовне, поверх культурных границ, мы осознаем потенциал культурно-конструкционистской психологии. Будущая реальность основывается в отношениях.

Литература

- Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. — М.: Педагогика, 1983. — С. 5—328.
- Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Pandey, J., Dasen, P. R., Saraswathi, T. S., Segall, M. H., & Kagitcibasi, C. (Eds.). (1997). *Handbook of crosscultural psychology* (2nd ed., Vols. 1-3). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
- Bond, M. H. (1988). Finding universal dimensions of individual variation in multi-cultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55, 1009-1015.
- Brydon-Miller, M. (1997). Participatory action research: Psychology and social change. *Journal of Social Issues*, 53, 657-666.
- Bruner, J. (1990). *Acts of meaning*. Cambridge: Harvard University Press.
- Clough, P. T. (1992). *The end(s) of ethnography: From realism to social criticism*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Denzin, N., & Lincoln, Y. S. (Eds.). (1994). *Handbook of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Ekman, P. (Ed.). (1973). *Darwin and facial expression*. New York: Academic Press.

- Ekman, P., & Friesen, W. V. (1986). A new pan-cultural facial expression of emotion. *Motivation and Emotion, 10*, 599-168.
- Fabian, J. (1983). *Time and the other: How anthropology makes its object*. New York: Columbia University Press.
- Fabian, J. (1991). Dilemmas of critical anthropology. In L. Nencel & P. Pels (Eds.), *Constructing knowledge: Authority and critique in social science* (pp. 180-202). London, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Featherstone, M. (1995). *Undoing culture: Globalization, postmodernism, and identity*. London: Sage.
- Fine, M., & Weis, L. (1996). Writing the «wrongs» of fieldwork: Confronting our own research/writing dilemmas in urban ethnographies. *Qualitative Inquiry, 2*, 251-274.
- Fox, K. V. (1996). Silent voices: A subversive reading of child sexual abuse. In C. Ellis & A. P. Bochner (Eds.), *Composing ethnography*. Walnut Creek, CA: AltaMira.
- Gergen, K. J. (1994). *Realities and relationships: Soundings in social construction*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gergen, K. J. (1998). The place of the psyche in a constructed world. *Theory & Psychology, 7*, 723-746.
- Gergen, K. J., Gulerce, A., Lock, A., & Misra, G. (1996). Psychological science in cultural context. *American Psychologist, 51*, 496-503.
- Gergen, M. M. (1992). Life stories: Pieces of a dream. In G. Rosenwald & R. Ochberg (Eds.), *Storied lives* (pp. 127-144). New Haven: Yale University Press.
- Gergen, M. M., & Gergen, K. J. (2000). Qualitative inquiry: Tensions and transformations. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), *Handbook of qualitative research* (2nd ed., p. 1025-1046). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hermans, H. J. M., & Kempen, H. J. G. (1998). Moving cultures: The perilous problems of cultural dichotomies in a globalizing society. *American Psychologist, 53*, 1111-1120.
- Ibañez, T., & Iñiguez, L. (Eds.). (1997). *Critical social psychology*. London: Sage.
- Josselson, R., & Lieblich, A. (1993). *The narrative study of lives* (Vol. 1). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Kahn, J. S. (1995). *Culture, multicultural, postculture*. London: Sage.
- Kitayama, S., & Markus, H. R. (1997). Construal of the self as cultural frame: Implications for internationalizing psychology. In J. D'Arms, R. G. Hastie, S. E. Hoelscher, & H. K. Jacobson (Eds.), *Becoming more international and global: Challenges for American higher education*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lather, P., & Smithies, C. (1997). *Troubling with angels: Women living with HIV and AIDS*. Boulder, CO: Westview Press.
- Lave, J., & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lieblich, A., & Josselson, R. (1995). *Interpreting experience: The narrative study of lives* (Vol. 3). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Lonner, W. J. (1989). The introductory psychology text and cross-cultural psychology: Beyond Ekman, Whorf, and biased I.Q. tests. In D. Keats, D. R. Munro, & L. Mann (Eds.), *Heterogeneity in cross-cultural psychology* (pp. 4-22). Lisse, Netherlands: Swets & Zeitlinger.
- Lutz, C. (1988). *Unnatural emotions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lykes, M. B. (1996). Meaning making in a context of genocide and silencing. In M. B. Lykes, A. Banuazizi, R. Liem, & M. Morris (Eds.), *Myths about the powerless: Contesting social inequalities* (pp. 159-178). Philadelphia: Temple University Press.
- Marcus, G., & Fischer, M. (Eds.). (1986). *Anthropology as cultural critique: An experimental moment in the human sciences*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mohanty, C. T., Russo, A., & Torres, L. (1991). *Third world women and the politics of feminism*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Paranjpe, A. C. (1998). *Self and identity in modern psychology and Indian thought*. New York: Plenum.
- Paranjpe, A. C., Ho, D. Y. F., & Rieber, R. W. (Eds.). (1988). *Asian contributions to psychology*. New York: Greenwood.
- Parker, I., & Shotton, J. (Eds.). (1990). *Deconstructing social psychology*. London: Routledge.
- Prakash, G. (1995). Postcolonial criticism and Indian historiography. In L. Nicholson & S. Seidman (Eds.), *Social postmodernism: Beyond identity politics* (pp. 87-100). New York: Cambridge University Press.
- Prilleltensky, I. (1997). Values, assumptions, and practices: Assessing the moral implications of psychological discourse and action. *American Psychologist, 47*, 517-535.
- Reason, P. (1994). Three approaches to participative inquiry. In N. Denzin & Y. Lincoln (Eds.), *The handbook of qualitative research* (pp. 324-339). Thousand Oaks: Sage.
- Rogler, L. H. (1999). Methodological sources of cultural insensitivity in mental health. *American Psychologist, 54*, 424-433.
- Sampson, E. E. (1993). *Celebrating the Other: A dialogic account of human nature*. Boulder, CO: Westview Press.
- Said, E. (1979). *Orientalism*. New York: Random House.
- Sarbin, T. R. (Ed.). (1986). *Narrative psychology*. New York: Praeger.
- Sarbin, T. R., & Scheibe, K. E. (Eds.). (1983). *Studies in social identity*. New York: Praeger.

- Saxe, G. B. (1991). *Cultural and cognitive development: Studies in mathematical understanding*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Shweder, R. A. (1990). Cultural psychology: What is it? In J. E. Stigler, R. A. Shweder, & G. Herdt, (Eds.), *Cultural psychology: Essays on comparative human development* (pp. 1-43). New York: Cambridge University Press.
- Spivak, G. C. (1985). Three women's texts and a critique of imperialism. *Critical Inquiry*, 12, 243-261.
- Stigler, J. E., Shweder, R. A., & Herdt, G. (Eds.). (1990). *Cultural psychology: Essays on comparative human development*. New York: Cambridge University Press.
- Triandis, H. C. (1994). *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill.
- Triandis, H. C., McCusker, C., Betancourt, H., Iwao, S., Leung, K., Salazar, J. M., Setiadi, B., Sinha, J. B. P., Touzard, H., & Zelenki, Z. (1993). An etic-emic analysis of individualism and collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 24, 366-383.
- Williams, J. E. (1993). Young adults' views of aging: A nineteen nation study. In M. I. Winkler (Ed.), *Documentos: Conferencia del XXIV Congreso Interamericano de Psicología* (pp. 101-123). Santiago, Chile: Sociedad interamericana de Psicología.
- Wundt, W. (1911). *Völkerpsychologie: Eine untersuchung der entwicklungsgesetze von sprache, mythus und sitte*. Leipzig: Wilhelm Englemann.